

Вячеслав Никонов:

РОССИЯ СОХРАНЯЕТСЯ КАК МИРОВОЙ ЦЕНТР СИЛЫ,  
НО НЕ СТАВИТ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

*В феврале 2013 г. была представлена обновленная концепция внешней политики России. В меняющемся мире крайне важно иметь четкие принципы и ориентиры для эффективной реализации интересов страны, но в то же время необходимо постоянно держать руку на пульсе и сверять свою систему координат с окружающей действительностью. При этом также важно не просто реагировать на события и рождающиеся вызовы, а добиваться долгосрочных целей — поступательного развития, улучшения позиций в мировой политической, экономической и технологической иерархии.*

*Приоритеты и задачи российской внешней политики, причины проблем в российско-американских отношениях, перспективы укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основные проблемы на прострaнстве СНГ — обо всем этом в интервью журналу Индекс Безопасности рассказывает председатель комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию, историк и международник Вячеслав Никонов<sup>1</sup>.*

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Как можно в целом охарактеризовать нынешнюю внешнеполитическую линию России?

**НИКОНОВ:** Сегодня Россия окружена со всех сторон центрами силы, которые либо крупнее, чем она сама, либо развиваются более динамично. С запада это Европейский союз, с востока это Китай, с юга — огромный растущий мир ислама, и большое количество горячих точек по всей периферии российской границы.

В то же время Россия — это сохраняющийся центр силы, одна из великих держав. Москва сейчас исходит из того, что Россия по большому счету обречена оставаться самостоятельным суверенным центром силы, который не интегрирует какие-то другие центры силы. Страна по-прежнему остается ядерной сверхдержавой, энергетической сверхдержавой, ресурсной сверхдержавой, космической сверхдержавой, является членом Совета Безопасности ООН. И роль самостоятельного центра силы предполагает равноудаленные или равноприближенные отношения со всеми другими центрами силы, существующими сегодня.

Россия усиливает свои позиции в мировой экономике, если считать по паритету покупательной способности, то это шестая экономика мира, если считать по обменному курсу, то это девятая экономика мира. Вместе с тем Россия сейчас не имеет глобальных внешнеполитических целей и не реализует какой-то глобальный внешний дискуссионный проект. Политика России весьма прагматична. Она направлена прежде всего на решение проблем развития и обеспечения собственной безопасности.



В географии российских приоритетов за последнее время произошли определенные изменения. Как и в концепции внешней политики 2008 г. на первом месте стоит сотрудничество со странами СНГ, на втором месте — сотрудничество с Европейским союзом. Но дальше в концепции 2008 г. стояли Соединенные Штаты с Североатлантическим блоком, а в последней, 2013 г., на третье место вышли отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). И дальше, как и раньше, стоят страны Латинской Америки.

Но именно СНГ — основной приоритет в последние годы, и здесь виден прогресс. Это прежде всего создание Таможенного союза и продвижение создания экономического пространства с Казахстаном и Белоруссией. К этому формату сотрудничества проявляют интерес Киргизия и Таджикистан. Но СНГ сейчас развивается как организация с разными скоростями, и внутри нее есть разные клубы по интересам.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Каковы перспективы развития отношений с нашими партнерами на указанных направлениях и каковы основные трудности, с которыми там сталкивается Россия? Можем прямо с СНГ и начать.

**НИКОНОВ:** Будущее содружества в большей степени зависит от того, куда пойдет Украина. Сейчас очевидно, что подавляющая часть украинской элиты смотрит преимущественно на Запад, а не на Россию. Хотя население Украины, напротив, испытывает некий прилив русофильства. К тому же для Украины участие в Таможенном союзе и едином экономическом пространстве было бы очень выгодно экономически.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** В этом контексте нельзя игнорировать Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) — единственную организацию, где Россия ощущает своих реальных союзников или, по крайней мере, должна их ощущать. ОДКБ сегодня адекватна ставящимся Россией задачам? Если нет, что должно измениться?

**НИКОНОВ:** Если коротко отвечать на вопрос — нет. ОДКБ не выполняет те функции, которые теоретически могут быть возложены на нее. Пока что военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ находится на более низком уровне, нежели даже, скажем, экономическое сотрудничество.

Я считаю, одна из больших проблем заключается в том, что всем этим странам очень сложно себе представить общего врага. Естественно, что проблемы Таджикистана и Белоруссии немножко разные. Кроме того, все наши партнеры боятся военного доминирования России, которая в военном плане, естественно, гораздо сильнее всех остальных.

Что делать для укрепления организации? Я лично всегда верил в бюрократию. Где бы был, например, Европейский Союз, если бы не брюссельская бюрократия? С точки зрения институционализации, думаю, нигде. Что же касается структур ОДКБ, мне они сейчас представляются в своей бюрократической части весьма неадекватными. Если будут созданы адекватные структуры координации, адекватные структуры штабные, адекватные военно-политические структуры, которые будут заниматься анализом, это может стать более серьезной организацией.

Всё это будет упираться в деньги, людей и организацию. Еще один фактор, который может теоретически усилить организацию, это, не дай бог, война где-то на пространствах Содружества. И это бы, я думаю, придало сильный импульс военно-техническому и военно-политическому сотрудничеству, но это как раз тот вариант, которого хотелось бы избежать. Поэтому будем лучше надеяться на мирное развитие событий. Впрочем, то, что происходит сейчас в Афганистане и что может происходить после 2014 г., настраивает все-таки на то, что структуры ОДКБ надо укреплять, предвидя, что они могут понадобиться.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** А что у России на остальных направлениях — Европа, Соединенные Штаты, Азия?

**НИКОНОВ:** *Европейский Союз* — достаточно тяжелый, вязкий партнер. Конечно, существует соглашение о стратегическом партнерстве, соглашение партнерской модернизации, но мало что происходит в стратегических отношениях между Россией и ЕС. Россия остается третьим крупнейшим партнером ЕС. А ЕС является крупнейшим торговым партнером России. Но при этом торгово-экономические отношения по-прежнему определяются соглашениями о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.

Сейчас серьезные противоречия наметились с ЕС в связи с кипрской ситуацией. ЕС принял решение о конфискации вкладов российских граждан и компаний, что, естественно, не вызывает в Москве большого энтузиазма. Кроме того, это решение вызывает в Москве большие сомнения в способности ЕС в тяжелых условиях принимать адекватные решения. Понятно, что если конфискуются российские капиталы, вряд ли Россия будет еще вкладывать деньги.

Еще одним спорным вопросом в отношении с ЕС является проблема безвизовых поездок. Мое ощущение, что проблема не будет решена до тех пор, пока режим не установится среди стран восточного партнерства. Вряд ли Россия получит безвизовый режим до них.

В целом сейчас ЕС больше обеспокоен своими внутренними проблемами, чем отношениями с Россией. Саммиты Россия–ЕС проходят все менее содержательно, по-моему, они перестали интересовать даже средства массовой информации. Но в целом, Россия желает развития связей с европейским союзом и успеха Европейскому Союзу в преодолении различных трудностей.

*Соединенные Штаты* — отношения с ними в настоящее время являются довольно мелкими. При этом сохраняется общая основа для российско-американского диалога, которая на протяжении нескольких последних лет была связана с нераспространением, противодействием терроризму, афганским транзитом и сотрудничеством в решении региональных проблем.

В то же время отношения России и Соединенных Штатов всегда будут в числе приоритетов для обеих сторон. А поскольку они представляют друг для друга еще и экзистенциальную угрозу, вопросы жесткой безопасности останутся в их общей повестке дня. В то же время возможности прогресса в направлении дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) представляются на данный момент проблематичными.

Россия с большим беспокойством отмечает продолжение работы по созданию системы противоракетной обороны (ПРО), которая представляет большую проблему для российского потенциала сдерживания. Кроме того, Соединенные Штаты обладают огромным превосходством над любыми другими странами в обычных вооружениях, и Россия всегда будет испытывать желание иметь абсолютные гарантии безопасности в виде ядерного оружия.

Соединенные Штаты в то же время являются партнером, абсолютно неизбежным для любой страны. Но в России это государство и дальше будет восприниматься в качестве источника угрозы, что, безусловно, будет отражаться на проводимой ею политике. Так, Россия является одной из четырех целей для возможной американской ядерной атаки — вместе с Китаем, Ираном и Северной Кореей. И, конечно, Соединенные Штаты в последнее время стремятся создать достаточно много проблем для России на ее периферии.

В России восприняли с очень большим недоумением заявление тогдашнего государственного секретаря Хилари Клинтон о том, что США сделают всё от них зависящее, чтобы предотвратить интеграцию в рамках СНГ. Получается, что интеграция приветствуется везде, кроме пространства бывшего Советского Союза. В дополнение принятие закона Магнитского, на мой взгляд, является серьезным шагом к тому, чтобы Россию повысить до разряда страны-изгоя, потому что до настоящего времени подобные списки составлялись только в отношении исключительно стран-изгоев.



Азиатско-Тихоокеанский регион становится всё более значимым в системе российских приоритетов. В этом регионе Россия решает три вида задач.

Первое — это модернизация российского Дальнего Востока.

Второе — это интеграция России в экономические структуры Азиатско-Тихоокеанского региона и превращение России в часть азиатско-тихоокеанской экономики.

И третье — это встраивание России в региональную архитектуру организаций, которых, как вы знаете, в АТР очень много.

Модернизация Дальнего Востока сейчас стартовала, идет очень медленно, но следует подчеркнуть, что темпы экономического роста в дальневосточных регионах России сейчас выше, чем в целом по стране. Экономические связи с АТР тоже растут, хотя сейчас на страны региона приходится чуть больше четверти российской внешней торговли.

Россия становится всё более значимым фактором на энергетическом рынке Восточной Азии. Если три года назад доля России составляла 0,1% в общем энергетическом балансе АТР, то сейчас порядка 3%, а цель в течение ближайших десяти лет — выйти на уровень 15%. Также Россия становится очень серьезным игроком на восточноазиатском рынке атомных электростанций, космических запусков и военно-технической продукции.

В последние годы страны Восточной Азии опережали страны Европы в наращивании своих инвестиций в российскую экономику. Во всяком случае все крупнейшие японские, корейские и китайские корпорации так или иначе инвестируют в Россию либо осуществляют здесь производство.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Влияет ли Россия на выстраивание политической архитектуры АТР? И, в целом, какие тенденции в отношениях основных игроков региона сегодня актуальны для нашей страны?

**НИКОНОВ:** К настоящему времени, пожалуй, архитектура в АТР определилась. Хотя она по-прежнему развивается, сейчас уже более или менее понятна иерархия институтов и то, чем они занимаются. Очевидно, что сейчас ключевой организацией сотрудничества будет механизм восточноазиатских саммитов по форме АСЕАН+8. С 2011 г. к этому формату присоединились Россия и США.

Экономическое сотрудничество будет осуществляться в рамках АТЭС, сотрудничество по безопасности — в рамках механизма совещаний министров обороны тоже в формате АСЕАН+8 и в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ). Ключевым партнером России в АТР сейчас становится Китай, отношения с которым находятся на самой высокой точке за всю историю. Китай является крупнейшим торговым партнером, и для него очень важно, что впервые за много тысяч лет он имеет северную границу, на которой не надо строить очередную Великую стену.

Сейчас, учитывая характер американо-китайских отношений, Россия пошла вверх в системе приоритетов китайской внешней политики, — не случайно председатель Си Цзиньпин в свой первый визит посетил именно в Москву. Конечно, проблемы в отношениях с КНР существуют, но это не мешает партнерству на двусторонней и многосторонней основе, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества и в рамках БРИКС.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Говоря о принципе равной удаленности от других центров силы, мы все-таки не можем игнорировать тот факт, что отношения России с Китаем гораздо более близкие, нежели, например, с США. В чем здесь дело?

**НИКОНОВ:** Ну, если ответить очень коротко — *it takes two for tango* (то есть, чтобы танцевать танго, нужны два человека). Когда в одном государстве только что избранный глава совершает свой первый визит именно в Москву, а в другом

государстве принимается закон Магнитского, асимметрия обеспечивается автоматически.

К тому же есть определенная история отношений: с какими-то странами наши отношения менее проблемные, с какими-то странами — более проблемные. Например, наши отношения с Индией ни разу не обращались к конфликтам или даже серьезным разногласиям.

В то же время в отношениях с Соединенными Штатами у нас была история многолетней биполярной конфронтации. Трудно быть равноудаленным от всех, учитывая достаточно большое количество факторов как сближения, так и возможного отталкивания. Но то, что Россия желает иметь хорошие отношения со всеми основными центрами силы — это безусловно.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Каково Ваше восприятие перспектив развития стратегического диалога между Соединенными Штатами и РФ в свете объявленного недавно решения не продвигать дальше определенного уровня четвертую фазу развития системы ПРО в Европе?

**НИКОНОВ:** Я не думаю, что изменение конфигурации системы ПРО что-то кардинально меняет. Во всяком случае, Аляска находится от России ничуть не дальше, чем Румыния. Поэтому если компоненты четвертой фазы будут расположены на Аляске, я не думаю, что это сильно что-нибудь изменит. К тому же уже третья стадия представляет уже достаточно серьезную проблему для РФ. Я думаю, что гораздо большее значение для будущего стратегического диалога будут иметь последствия финансового обрыва в США и сокращение расходов на вооружения, которые действительно могут больше ограничить развитие системы ПРО, нежели решения, принимаемые сейчас.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Из этой картины российской внешней политики выпал Иран. Не вполне понятно, как Россия должна выстраивать отношения с Ираном, каковы перспективы этих отношений и их общая значимость для нашей страны?

**НИКОНОВ:** Иран для России не враг. И это главное отличие отношений России с Ираном от отношений Ирана со многими другими, с большинством западных стран. Хотя у нас непростые отношения и непростая история отношений, и в Иране очень сложные отношения с Россией, тем не менее, у нас во многом совпадающая повестка дня. Мы с Ираном разделяем позицию в отношении радикального суннитского ислама, который оставляет большую проблему. У нас схожие подходы к ситуации в Сирии, к проблеме Каспийского моря и к целому ряду региональных проблем.

Что касается ядерной программы Ирана, России не нужен ядерный Иран. В то же время в России идут дискуссии, в которых участвует и ПИР-Центр, в отношении того, реально ли Иран собирается получить ядерное оружие или он собирается обзавестись потенциалом создания ядерного оружия.

Я считаю, что, скорее всего, если не произойдет каких-то внешних интервенций, Иран может остановиться перед созданием ядерной бомбы хотя бы для того, чтобы не провоцировать подобные интервенции. Все российские предложения о том, чтобы наша страна (вместе с Францией или самостоятельно) обеспечила безопасность иранского ядерного топливного цикла и чтобы вывозила ядерное топливо и отходы на свою территорию — все эти предложения лежат на столе, и, я думаю, для Ирана будет очень правильно, если он этими предложениями воспользуется.

То, что Россия предлагает Ирану и по Ирану, — проблему решает. Что же касается возможности нанесения удара по территории Ирана, это первый способ обеспечить создание Ираном ядерного оружия.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Вопрос, касающийся Вашей новой роли руководителя комитета Государственной Думы по образованию. Какую роль может сыграть международное сотрудничество в области образования, чтобы оно служило интересам развития образования в России?



Ю  
Б  
В  
Р  
Е  
Г  
Н  
И

**НИКОНОВ:** Я — большой энтузиаст международного сотрудничества в области образования. Я учился и преподавал в США. И особенно меня вдохновляет сейчас сотрудничество с нашей научной диаспорой за рубежом, которая по своему размеру сопоставима с корпусом ученых в РФ. Конечно, сейчас ЦЕРН в Женеве и Кремниевая долина говорят во многом по-русски, но привлечение этих умов в Россию — это очень нетривиальная задача.

Естественно, привлечение зарубежных специалистов в Россию очень проблематично. Ученым нужна среда, а среда не обеспечивается только деньгами, она обеспечивается огромным комплексом обстоятельств: от наличия или отсутствия пробок на дорогах до наличия или отсутствия необходимого оборудования. Но мы также выяснили, что многие западные профессора, которые имеют или не имеют русские корни, готовы сюда приезжать, чтобы учить, создавать лаборатории, создавать временные научные коллективы и работать дистанционно. Это более перспективная площадка, чем ожидание массового притока сюда на постоянную основу профессуры из-за рубежа.


Существует программа больших грантов для привлечения в страну ученых со всего мира. Очень большое количество российских студентов учится сейчас за рубежом. Большое количество студентов из других стран учится в России, хотя значительно меньше, чем в СССР.

Что важно для международного сотрудничества — мы перешли на ту же систему образования, которая принята в западных странах (бакалавры–магистры), что сделало уровни образования совместимыми. И с прошлого года начали действительно революционные изменения — начали признавать дипломы зарубежных высших учебных заведений.

До прошлого года выпускники Гарварда не считались людьми с высшим образованием. Для признания в России PhD, надо было перевести ее на русский язык и отправить на экспертизу в ВАК. Люди без высшего образования и без PhD не могли преподавать в российских вузах. Сейчас есть список из 228 признанных западных университетов (я называю их в шутку *кошерными*), но остальные выпускники вузов до сих пор не имеют соответствующих документов.

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ:** Еще об образовании, но уже с *ядерным оттенком*: Россия не только поставляет на мировой рынок атомные станции, но и готовит иностранных специалистов для тех стран, которые впервые осваивают мирный атом. Этот вызов типичен не только для России — Франция и США находятся в аналогичной ситуации. Но при передаче знаний у нас нет границы, какие знания можно передавать только для ядерных стран, а какие для новых. Как быть в этой ситуации?

**НИКОНОВ:** Проблема, безусловно, интересная, она реально существует. Я не думаю, что можно принять какой-то закон, в котором будет написано, какие формулы студенты должны знать, а какие нет. Это все-таки, наверное, должны подсказать специалисты в этой области. И это должно быть отражено в ведомственных актах и в документах соответствующих учебных заведений.

Законодатель должен предусмотреть ответственность за то, чтобы соответствующие нормы были реализованы, и ответственность за то, что будет, если они не будут реализованы. Ну а сама проблема, конечно, заставляет прилагать усилия для укрепления режима нераспространения и для того, чтобы договор по нераспространению работал. Укрепление режима нераспространения, действительно, является сейчас одной из самых важнейших задач, стоящих перед человечеством. 

## Примечания

<sup>1</sup> Текст подготовлен на основе неконфиденциальных фрагментов выступления В. А. Никонина на заседании Международного клуба *Триалог*, состоявшемся 27 марта 2013 г.